

Двадцать лет российской трансформации. "НОВЫЕ КАПИТАЛИСТЫ": КТО ОНИ?

Автор: Н. Е. ТИХОНОВА

Одна из краеугольных проблем при анализе социально-экономических последствий реформ в России - проблема формирования новой социальной структуры российского общества. Понимание того, что представляет собой эта структура, позволяет ответить на многие вопросы, связанные с подведением итогов развития России за последние два десятилетия, включая и такие сакральные вопросы, как кто выиграл и кто проиграл от реформ и почему? Какой тип поведения является реально "поощляемым", а какой - "наказуемым" в современном российском обществе? Наконец, из кого состоят "высшие классы" современной России и что это значит для дальнейшего развития страны? Не пытаясь, разумеется, дать на эти вопросы развернутые ответы, в данной статье я хотела бы представить некоторые результаты анализа имеющегося в моем распоряжении эмпирического материала, которые, на мой взгляд, могут способствовать более глубокому пониманию сути процессов, происходящих в последние два десятилетия в области социальной стратификации российского общества.

* * *

Социальная структура общества может рассматриваться с точки зрения различных подходов, и в этом плане ситуация, сложившаяся в российской теоретической социологии в настоящее время, весьма своеобразна. Десятилетиями в умах социологов доминировала схема "2 +1" (два класса - рабочий класс и крестьянство и "прослойка" служащих и интеллигенции), которая для подавляющего большинства из них отождествлялась с марксизмом (по крайней мере в том виде, в каком он существовал в России). Учитывая, что схема эта полностью дискредитировала себя еще в советское время, классовый подход К. Маркса в современной российской социологии поневоле оказался дискредитированным, и на первый план вышли стратификационные теории, связанные с веберианской (или неовеберианской) традицией. Классовый же подход используется в основном в его весьма упрощенном варианте, фактически не столько для анализа классов, сколько для противопоставления богатых и бедных в политической риторике.

У такого смещения исследовательских предпочтений есть определенные объективные основания. Так, при применении классового подхода десятки миллионов экономически активного населения России оказываются в одном и том же классе, представляя собой наемных работников, занятых исполнительским трудом и выключенных из процесса распределения производственного продукта, и имеют очень близкие с точки зрения классовой теории позиции. В то же время реальные условия их труда и быта, жизненные шансы и мировоззрение различно различаются, о чем свидетельствуют и все проводившиеся социологические исследования, и житейский опыт каждого россиянина.

Тихонова Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, заместитель директора Института комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН.

Перспективность стратификационного подхода к изучению современного российского общества, на мой взгляд, связана и с тем, что в условиях характерного для нынешнего этапа общественного развития роста неопределенности и вариативности человеческих судеб, плюрализации возможных моделей поведения и стилей жизни даже в рамках одного класса существуют социальные группы, кардинально различающиеся между собой как по их реальным жизненным практикам, так и по стратегическим перспективам. Соответственно, гораздо больше и эвристические возможности данного подхода для анализа социальной структуры общества в целом.

Однако в рамках стратификационного подхода нельзя получить ответ на многие вопросы, волнующие всякое общество, а тем более - общество, переживающее период серьезной трансформации. Почему социальная однородность буквально за несколько лет сменилась глубочайшей социальной дифференциацией? Насколько объективно обоснованы и легитимны произошедшие перемены? Идет ли в этом случае речь о простом воровстве и "прихватизации" бывшей общественной собственности, в результате которой российское общество разделилось на неправедными путями разбогатевшую элиту и обнищавшее большинство, или происходящие тектонические сдвиги в социальной структуре имеют и более глубокий смысл, а видимая невооруженным глазом социальная дифференциация - лишь следствие гораздо более сложных процессов?

В свете всех этих вопросов, даже понимая ограниченность возможностей классового подхода при попытке построения общей модели социальной структуры России, я убеждена, что без его применения невозможно ни определить сам тип этой структуры, ни понять характер фундаментальных противоречий, существующих в российском обществе. Причем для решения таких задач он может оказаться вполне эффективен как в классическом, так и в неомарксистском варианте. В данном случае имеются в виду не столько уже существующие неомарксистские концепции социальной структуры современных обществ (Э. О. Райт и др.), сколько сами характерные для них попытки расширительной трактовки понятия капитала, исходящие из гипотезы, что *применительно к следующему за "классическим" капитализмом этапу развития общества капитал может существовать и в каких-то иных, нежели полтора века назад, формах*. А следовательно, анализ социальной структуры общества и его классовых противоречий требует выделения класса, являющегося владельцем капитала в этом его новом, расширенном, смысле и анализа его состава и природы господства.

Что же это могут быть за новые формы капитала?

Частичный ответ на этот вопрос дают уже выдвигавшиеся в зарубежной экономической и социологической литературе идеи о "культурном капитале" (П. Бурдье), "социальном капитале" (Дж. Коулман) и т.п. Однако, несмотря на значимость и достаточно широкое распространение этих идей, по-прежнему остается открытым вопрос о том, являются ли они удачными образами, акцентирующими значимость различных видов ресурсов в современном обществе, или же речь идет действительно о новых формах капитала, которые, как и положено капиталу, способны самовоспроизводиться и накапливаться, имеют ликвидность и доступный для измерения объем, конвертируются одна в другую и, самое главное, обеспечивают самовозрастание совокупного капитала - качество, принципиально отличающее капитал в любой его форме от "просто" ресурсов¹.

Таким образом, капиталом для целей социологического измерения и анализа тот или иной ресурс можно считать лишь в том случае, если можно установить отчетливую связь между наличием этого ресурса и возрастанием других видов капитала, прежде всего экономического. Второе обязательное условие: люди, обладающие капиталом, уже в силу этого факта должны относиться к наиболее богатым слоям общества и иметь возможность перераспределять в свою пользу произведенное общественное богатство, получая тем самым доход на капитал.

Именно из этих общеметодологических соображений мы исходили, когда пытались определить наличие различных видов ресурсов у различных слоев российского насе-

¹ Блестящий анализ основных форм капитала и их особенностей дан в [Радаев, 2003].

ния и рассчитать показатели, отражающие его объем². Основной целью нашего исследования при этом был анализ того, как именно различные виды ресурсов и капиталов влияют на положение акторов в системе стратификации современного российского общества, какой из них более, а какой - менее значим, а также того, где "количество переходит в качество" и ресурс становится капиталом.

Для реализации этой цели были выделены основные виды ресурсов, относительно которых можно было предположить, что они способны оказать влияние на место актора в системе экономической стратификации и при определенных условиях работать как капитал. В качестве критерия занятия разных статусных позиций в системе экономической стратификации при этом был использован критерий жизненных шансов (*life-chances*) на потребительском рынке³. Таким образом, для эмпирического анализа наличия совокупного капитала и выделения в российском обществе на этой основе класса капиталистов был изначально использован классический для стратификационного, а не классового подхода тип классификации российского населения. Если сопоставить данный критерий со всей совокупностью традиционных критериев стратификации, то это, разумеется, очень небольшой компонент всей их совокупности. Тем не менее в качестве первого шага к построению интегральной модели стратификации российского общества такой подход позволил создать шкалу вертикальной стратификации, положив в ее основу разработанный нами индекс уровня жизни⁴, и расположить на ней россиян в соответствии с разницей их жизненных шансов в сфере потребления.

Затем в рамках полученной шкалы было выделено 10 основных страт российского общества, попадающих в препрезентативные опросы, и еще одна, объединяющая различные элитные группы, которые в массовые опросы практически не попадают, но достаточно широко представлены в экспертной части опроса исследования "Богатые и бедные в современной России"⁵. Общая картина российского общества выглядела при этом следующим образом.

² Речь идет о работе, проведенной мной совместно с Н. Давыдовой в ходе реализации проекта "Изменяющаяся Россия: формирование новой системы стратификации". Эмпирической основой исследования явились данные опроса "Богатые и бедные в современной России", проведенного в марте 2003 г. В его основу закладывались два типа выборки. Первая формировалась по квотному принципу и репрезентировала жителей 11 территориально-экономических районов страны (согласно районированию, принятому Госкомстатом РФ), а также городов Москвы и Санкт-Петербурга. Квотирование осуществлялось также по полу, возрасту и типу поселения. Объем основной выборки составил 2118 респондентов. Наряду с основной использовалась выборка дополнительного опроса по богатым слоям населения России, насчитывающая 315 человек, одна половина которых представляли Москву и Санкт-Петербург, вторая - другие регионы России (подробнее см. [Россия... 2004]).

³ В основе этого подхода - не только концепция разных жизненных шансов представителей различных социальных статусов, берущая начало еще от М. Вебера, но и концепция "расширения человеческого выбора" лауреата Нобелевской премии А. Сена, центральная идея которой состоит в том, что благосостояние должно оцениваться по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной, а не по уровню дохода в расчете на душу населения. В этом же русле лежит и концепция относительной бедности П. Таузенда. Таким образом, подход к стратификации через призму жизненных шансов различных групп населения имеет не только длительную, но и весьма богатую и плодотворную по результатам историю.

⁴ Подробнее описание методики построения индекса уровня жизни см. [Тихонова, Давыдова, Попова, 2004].

⁵ Надо сказать, что в 11-й страте действительно оказались только представители элитных, а не просто богатых слоев населения - по характеру их профессиональной деятельности это были руководители первого уровня крупных нефтяных компаний, серьезных московских банков, входящих в число лидеров в банковской сфере, представители региональной административной элиты и т.п. Для нас самих оказалось неожиданностью, что они сильно отличались от "просто богатых" не только своими капиталами, которые в индексе не учитывались, но и реальным уровнем жизни. Причем речь шла не о наличии частных конюшен, дорогостоящей недвижимости за рубежом и т.п., что хотя и фиксировалось интервьюерами, но при исчислении индекса жизни не принималось в расчет, а о составлявших основу индекса показателях домашнего имущества, использования платных услуг, жилищных условий, досуговой активности и т.п.

Низшие слои - 60,2% всего населения, в том числе:

- 1 страта (условно названная нами "нищие") - 6,6%;
- 2 страта (условно названная нами "бедные") - 15,2%;
- 3 страта (условно названная нами "нуждающиеся") - 13,3%;
- 4 страта (условно названная нами "малообеспеченные") - 25,1%.

Средние слои - 33,9%, в том числе:

- 5 страта (условно названная нами "нижний средний - 1") - 15,5%;
- 6 страта (условно названная нами "нижний средний - 2") - 6,6%;
- 7 страта (условно названная нами "средний - 1") - 7,1%;
- 8 страта (условно названная нами "средний - 2") - 4,7%.

Высшие слои - 5,9%, в том числе:

- 9 страта (условно названная нами "выше среднего") - 4,4%;
- 10 страта (условно названная нами "богатые") - 1,4%;
- 11 страта (условно названная нами "элита и субэлита") - 0,1%.

Следующим шагом стали анализ распространенности различных видов ресурсов, относительно которых можно было предположить возможность их превращения в капитал, сравнительная оценка их в этом качестве и расчет показателей совокупного капитала по каждому респонденту в отдельности (в баллах). При этом анализировалось восемь основных видов ресурсов, часть из которых в свою очередь включала в себя набор нескольких их разновидностей:

- **экономический ресурс** в традиционном смысле слова, включающий такие индикаторы, как самооценка в качестве богатого человека, показатели имущества, которое без особого ущерба для жизни семьи может быть продано и конвертировано в денежную форму, - наличие коттеджа, второго жилья, размер находящегося в собственности жилья (учитывалось жилье общей площадью от 25 кв. м на человека), наличие дачи, земли (только для горожан и свыше 0,25 га), характер доходов (доходы от собственного бизнеса или от собственности), наличие сбережений, достаточных для того, чтобы семья могла прожить на них не менее года;

- **квалификационный ресурс**, предполагающий, что рабочая сила определенного качества сама является не только ресурсом, но - при определенных условиях - и капиталом. При этом квалификационный ресурс рассчитывался как совокупность показателей образования и квалификации. Шкала "Образование" учитывала формальный уровень образования человека, различные формы повышения им за последние три года перед опросом своей квалификации или переквалификацию, высокую самооценку образования и нынешних возможностей для получения знаний, а также убеждение, что он имеет высокий социальный статус за счет уровня своего образования. Шкала "Навыки" учитывала наличие и степень владения респондентом компьютером, работы с применением иностранного языка, наличие навыков активного самообразования и т.д.;

- **социальный ресурс**, объединяющий: 1) включенность в обычные неформальные сети повседневных контактов и поддержки (наличие друзей и постоянные контакты с ними, убеждение в надежной поддержке с их стороны); 2) включенность в высокоэффективные социальные сети, обеспечивающие доступ к особо дефицитным благам и ресурсам ("связи"); 3) включенность в формальные сети (членство в клубах, партиях и т.д.);

- **властный ресурс**, учитывающий способность респондентов оказывать влияние на принятие решений в масштабах всего их предприятия или его подразделения, фиксацию ими у себя доступа к власти, их должностной статус и самооценку ими социального статуса по их должности на работе;

- **культурный ресурс**, включающий, с одной стороны, характеристики досугового поведения и культурных запросов респондентов, а с другой - показатели условий их социализации в детском и юношеском возрасте (место жительства в школьном возрасте и образование родителей);

- **личностный ресурс**, учитывающий наличие достижительных установок и готовность усиления трудовой активности для предотвращения ухудшения материального положения, нонконформизм, отсутствие уравнительных настроений, инициативность, готовность использовать эффективные, но незаконные способы реализации своих интересов;

- **символический ресурс**, включающий наличие ученой степени и самооценку в качестве знаменитости⁶ ;
- **биологический ресурс**, в котором учтены особенности, повышающие или, напротив, понижающие шансы россиян на занятие выгодных позиций на рынке труда - уровень здоровья, пол и возраст.

Сразу надо сказать, что, как оказалось, некоторые из перечисленных ресурсов не могут становиться капиталом, по крайней мере в массовом масштабе. К таковым относятся личностный, символический и биологический⁷. В других видах ресурсов как капитал "работали" только отдельные их компоненты. Так, в социальном ресурсе капиталом выступали только связи, а в культурном - условия социализации. В то же время в качестве ресурсов⁸ все без исключения их виды, перечисленные выше, начиная с определенного их уровня, работали весьма эффективно, и шансы конкретных людей занять относительно более высокую позицию в рамках стратификации по уровню жизни прямо коррелировали с показателями каждого из них.

В результате проведенного анализа было выделено 5 видов капитала, успешно работающих сегодня у нас в этом качестве в массовом масштабе: экономический, властный, квалификационный, социальный (в части наличия связей) и культурный (в части условий социализации). Естественно, что каждый из них лишь при условии определенной его концентрации мог рассматриваться как капитал и, кроме того, распространенность каждого из них в российском обществе была различной.

Так, людей, имевших **экономический капитал** в репрезентативной части выборки, оказалось всего 1%. При этом почти половина всего населения вообще имела нулевые показатели по этой шкале (реальный же уровень, когда находившиеся в распоряжении респондентов экономические ресурсы начинали выступать как капитал, составлял минимум 3 балла)⁹. Уровень корреляции наличия экономического капитала и принадлежности к различным стратам был очень высоким - коэффициент Спирмана на

⁶ Естественно, это далеко не все, что следовало бы замерить применительно к данному виду ресурсов. Так же, впрочем, как и применительно к другим ресурсам хотелось бы значительно расширить список замерявшихся показателей. Однако наши расчеты были ограничены рамками имевшегося эмпирического материала уже проведенного исследования по близкой, но не полностью совпадавшей с предметом наших интересов теме.

⁷ Разумеется, в уникальных случаях биологические данные человека являются для него капиталом (знаменитые спортсмены, модели и т.п.), однако, во-первых, это все-таки сравнительно редкое явление, и в нашем опросе такие люди отсутствовали, а во-вторых, и в этих случаях в добавление к биологическим данным есть значительная социальная составляющая - навыки и умения, "раскрученность" бренда их имени и т.д. Соответственно, и символический ресурс может в отдельных, очень редких случаях быть капиталом, но для массовых исследований это слишком редкие случаи, не влияющие на общую картину.

⁸ Как ресурс данный показатель расценивался тогда, когда его наличие позволяло улучшить материальное положение за три последних года, то есть число говорящих об улучшении своего материального положения за три года начинало относительно превышать число тех, у кого оно не улучшилось. Всего таких респондентов в репрезентативном массиве оказалось 22,5%.

⁹ Как капитал соответствующий ресурс расценивался тогда, когда его наличие позволяло иметь большинству им располагающих образ жизни богатых людей (то есть большинство группы с соответствующим показателем данного ресурса относились к 9 - 11 стратам, составлявшим в репрезентативном опросе 5,9% опрошенных). В качестве контрольной процедуры при этом использовался ответ на вопрос о динамике материального положения за последние три года. При этом я исходила из того, что, поскольку капитал должен характеризоваться свойством самовозрастания, число тех, чье положение за последние годы улучшилось, при наличии у них капитала, должно *абсолютно* превышать численность тех, у кого оно не улучшилось. Соответственно, в качестве границы 3 балла были выбраны потому, что на этом уровне основная масса соответствующей группы отмечала улучшение своего материального положения за последние три года и большинство представителей 9 - 11 страт имели показатели экономического капитала 3 балла и выше, хотя при этом далеко не все люди с таким показателем относились к 9 - 11 стратам - капитал мог тратиться ими на развитие производства в ущерб текущему потреблению, "сберегаться" на черный день, фактически переставая выступать в роли капитала, просто нерационально использоваться, и т.д.

Таблица 1 Доля респондентов с разным уровнем экономического ресурса в составе разных страт (в %)*

Экономический ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	79,0	66,6	61,6	53,1	31,9	24,3	18,8	15,3	5,2	0,8	-
1	19,6	29,4	31,0	37,8	42,8	51,5	40,3	42,9	17,3	2,5	-
2	1,4	3,8	6,0	8,3	9,8	17,1	28,2	22,4	23,3	9,2	2,8
3	-	0,2	1,1	0,8	3,7	5,0	8,7	16,3	21,1	17,5	2,8
4	-	-	0,3	-	1,8	2,1	4,0	3,1	30,1	59,2	47,2
5	-	-	-	-	-	-	-	-	3,0	10,8	47,2

* Показатели по трем верхним стратам здесь и далее приводятся по данным сводного массива, куда была включена дополнительная выборка по богатым слоям населения.

подмассиве основных кормильцев семей, по которому и рассчитывалась сравнительная значимость различных видов капитала, был 0,769¹⁰.

Экономический ресурс респондентов был тесно связан с нахождением их в составе различных страт (см. табл. 1). Из остальных ресурсов наиболее тесно, как оказалось, экономический ресурс коррелировал с *властным капиталом* - коэффициент Спирмана на совокупном подмассиве основных добытчиков из общего массива обеих выборок для представителей группы с показателем экономического капитала от 3 баллов и выше составлял 0,552. Далее в порядке убывания значимости располагались: *квалификационный ресурс* - коэффициент Спирмана 0,471; *социальный ресурс* - коэффициент Спирмана 0,432; *культурный ресурс* - коэффициент Спирмана 0,387.

Что касается *властного ресурса*, рубежным для которого при переходе из ресурса в капитал также выступали 3 балла, то он имел еще более дефицитный характер, поскольку полностью лишины его были 67,6% респондентов в репрезентативном общероссийском массиве. Наличие же властного ресурса как капитала характеризовало только 3,9%. Связь властного капитала и принадлежности к трем высшим стратам была достаточно тесной - коэффициент Спирмана составлял 0,586. Это не означает, что руководители различных уровней должны относиться к высшим стратам, но говорит о том, что представители высших страт, как правило, руководители разных уровней, включая все виды предпринимателей. Доли респондентов разных страт с различным уровнем властного ресурса приведены в таблице 2.

Квалификационный ресурс, рубежным для которого при переходе из ресурса в капитал также выступали 3 балла, был относительно шире распространен. Правда, уровень квалификации, предполагающий концентрацию в рабочей силе человека такого прошлого накопленного труда, который выражается прежде всего в накопленных знаниях и навыках, позволяющих ей выступать как капитал, имели сравнительно немногие. Это всего 8,2% в общероссийском репрезентативном массиве данных, а нулевые показатели по этой шкале характеризовали 39,3% опрошенных.

Однако вопреки расхожим суждениям о том, что "знания сейчас не ценятся", что наиболее образованная часть населения прозябает чуть ли не в нищете, на самом деле

¹⁰ Рассчитывать связь уровня жизни домохозяйства и показателей ресурсообеспеченности именно по основным добытчикам представлялось более корректным в методологическом отношении, так как показатели ресурсообеспеченности основных добытчиков и прочих членов семьи различались во всех стратах. При этом чем выше на "социальной лестнице" была расположена соответствующая страта, тем больше был этот разрыв. В то же время при оценке распространенности соответствующего вида ресурсов использовались данные общероссийского репрезентативного массива, ибо они позволяли точнее понять степень дефицитности того или иного ресурса для населения России в целом. Общая численность подмассива основных кормильцев составляла 1355 человек, 228 из которых относились к трем верхним стратам.

Таблица 2

Доля респондентов с разным уровнем властного ресурса в составе разных страт (в %)

Властный ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	89,9	90,3	76,2	70,8	58,1	48,6	47,7	54,1	24,8	15,0	8,3
1	10,1	9,4	22,8	27,5	39,8	44,3	44,3	34,7	45,1	30,8	20,8
2	-	-	0,7	1,3	1,2	6,4	3,4	9,2	22,6	35,8	44,5
3	-	-	0,4	-	0,9	0,7	2,7	1,0	6,0	9,4	13,9
4	-	0,3	-	0,4	-	-	2,0	1,0	1,5	10,0	12,5

Таблица 3

Показатели квалификационного ресурса основных страт российского общества, выделенных по критерию уровня жизни (в %)

Квалификационный ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	77,5	69,4	55,2	39,3	22,9	22,1	14,1	3,1	4,5	0,8	-
1	13,8	18,8	21,4	23,9	27,2	18,6	19,5	12,2	6,8	2,5	2,8
2	8,7	10,9	21,4	32,4	41,6	42,9	51,7	62,2	49,6	46,7	34,7
3	-	0,9	1,8	4,2	5,2	12,9	9,4	19,4	27,8	27,5	27,8
4	-	-	0,2	0,2	2,8	2,9	4,7	3,1	6,0	15,8	22,2
5	-	-	-	-	0,3	0,6	0,6	-	5,3	6,7	12,5

квалификационный ресурс имеет очень высокий уровень связи с реальным уровнем жизни – соответствующий коэффициент Спирмана для таких переменных, как принадлежность к определенной страте и квалификационный ресурс, составлял 0,664. Чуть ниже он был для принадлежности к трем высшим стратам - 0,531.

При этом *относительно большее значение в современном российском обществе имеют навыки, а не формальный уровень образования человека*. Это характерно для представителей всех страт, но особенно ярко проявляется у представителей трех высших страт. Таким образом, для превращения рабочей силы в капитал мало иметь высокий уровень образования, нужен еще определенный набор навыков, без которых о капитализации рабочей силы говорить не приходится. Причем *нет какого-то определенного навыка, который бы играл при этом решающую роль*, - речь идет именно об их совокупности, наборе, без которого стоимость рабочей силы при том же уровне образования резко падает.

Сопоставимо с навыками по своей значимости для "капитализации" рабочей силы только *интенсивное включение в процесс непрерывного образования, готовность активно работать над совершенствованием своих возможностей как работника*. Так, среди основных кормильцев - представителей трех высших страт в последние три года перед опросом самостоятельно или на курсах изучали иностранные языки четверть всех опрошенных, а среди основных кормильцев - представителей других страт - всего 3,6%, причем в группе специалистов из разных страт соответствующие показатели составляли 50% и 8,7%. Таким образом, именно адекватные потребностям рынка знания, а не формальное наличие даже весьма престижного диплома во многом определяют сегодня уровень доходов, жизненные шансы на рынках труда и потребления, а в конечном счете - и социальный статус россиян (см. табл. 3).

Таблица 4

Доля респондентов с разным уровнем совокупного социального ресурса в составе разных страт (в %)

Социальный ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	47,9	32,5	30,2	17,2	13,5	15,0	9,4	3,1	3,7	1,6	1,4
1	32,6	31,6	28,5	28,5	29,1	22,9	20,8	17,3	13,5	6,7	1,4
2	9,4	22,2	23,8	32,8	31,8	28,6	25,5	23,5	24,1	15,0	9,7
3	8,7	10,9	12,1	16,7	17,1	18,5	29,5	35,7	22,6	30,8	23,6
4	1,4	2,5	5,0	4,6	8,0	12,1	11,4	11,2	27,1	29,2	43,1
5	-	0,3	0,4	0,2	0,5	2,9	3,4	9,2	9,0	16,7	20,8

Как видно из таблицы 3, квалификационный ресурс плавно нарастает от страты к страте. При этом в бедных стратах нулевые показатели данного ресурса имеют свыше двух третей представителей соответствующих страт, в балансирующей на грани бедности третьей страте - немного более половины, а в находящейся между неблагополучной частью общества и его относительно благополучными средними слоями четвертой страте, куда входит четверть всех россиян, - около 40%. В средних слоях этот показатель резко падает.

Социальный ресурс¹¹ распространен достаточно широко, но в том объеме, когда его можно рассматривать как капитал, встречается менее, чем у 10% россиян. При проверке методом линейной регрессии полученных показателей совокупного социального капитала они продемонстрировали сильные корреляционные связи с местом в системе стратификации (0,522, см. также табл. 4) и с объемом экономических ресурсов (0,432), причем данные показатели были даже выше, чем у такого вида социального ресурса, как "связи". Это позволило предположить, что *показатель совокупного социального ресурса достаточно полно замеряет все его виды, имеющиеся у индивидов, причем не просто механически суммируя их, а косвенно учитывая их сложное взаимодействие* (так, если контрагентами связей выступают не просто знакомые, а друзья, то эффективность работы таких сетей будет несопоставимо выше, чем обычных связей, и т.п.).

Особо надо оговориться, впрочем, что, судя по результатам линейной регрессии и показателям коэффициента Спирмана, ведущей стороной во взаимосвязях социального капитала, с одной стороны, и уровня жизни, экономического ресурса и динамики материального положения - с другой, выступали все-таки последние. Это значит, что *при всей значимости социального капитала ведущую роль в связке с ним в большинстве случаев играет экономическое положение человека, а не наоборот*. На практике это означает, что включенность представителей низших страт в социальные сети чаще ниже именно потому, что они представляют для окружающих скорее обузу, чем интересных с точки зрения упрочения их собственного положения партнеров, а не то, что недостаточность социального ресурса мешает представителям этих страт иметь высокий уровень жизни. В то же время для представителей высших слоев направленность связи часто имеет прямо противоположный характер.

Наконец, последний из "капиталообразующих" ресурсов - **культурный ресурс** - продемонстрировал весьма парадоксальную картину. Вопреки расхожим мнениям о высоком культурном уровне россиян, он относился к числу сравнительно мало распространенных - почти половина (43,6%) имели по этому виду ресурсов нулевые показатели. Более того, высокие показатели по нему, соответствующие тому уровню, когда он становился уже культурным капиталом, продемонстрировали всего 6,0%, и в по-

¹¹ Подробнее о проблеме социального ресурса см. [Тихонова, 2004].

Таблица 5 Доля респондентов с разным уровнем совокупного культурного ресурса в составе разных страт (в %)

Культурный ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	73,2	64,1	51,2	46,5	32,7	35,0	26,8	15,3	15,0	6,7	8,3
1	18,8	22,5	26,3	27,5	25,7	25,7	18,8	21,4	19,5	10,0	9,7
2	7,2	12,2	19,6	21,6	35,8	32,9	43,0	49,0	40,6	41,7	37,5
3	0,7	0,9	2,1	3,0	3,4	4,3	10,1	9,2	21,8	28,3	29,2
4	-	0,3	0,7	1,3	2,4	2,1	1,3	5,1	3,0	13,3	15,3

Таблица 6 Показатели ресурсообеспеченности основных страт российского общества, выделенных по критерию уровня жизни (в %)

Ресурс (в баллах)	Страты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	59,4	51,3	31,0	19,8	7,6	5,7	2,0	1,0	0,8	-	-
1	23,9	21,9	25,1	21,4	12,8	10,7	3,4	1,0	-	-	-
2	13,8	18,4	23,0	29,5	30,6	13,6	17,4	13,3	7,5	-	-
3	2,9	4,7	13,9	15,8	18,0	23,6	21,5	13,3	6,0	-	-
4	-	3,7	7,0	11,5	23,5	34,2	38,9	41,8	24,1	11,7	1,4
5	-	-	-	1,8	6,3	8,6	14,8	25,5	27,8	17,5	12,5
6	-	-	-	0,2	1,2	3,6	2,0	4,1	33,8	70,8	86,1

давляющем большинстве все они относились к средним или высшим слоям (5 - 11 стратам). Ресурсная обеспеченность культурным капиталом различных страт представлена в таблице 5.

Как видно из таблицы 5, культурный ресурс относится к числу весьма дефицитных не только у населения в целом, но и в трех высших стратах. Как уже говорилось выше, и по глубине корреляционных связей он в наименьшей степени влияет на позицию индивидов в стратификационной системе (коэффициент Спирмана для принадлежности к различным стратам составляет 0,504). Тем не менее, как видно из таблицы 5, обеспеченность этим ресурсом достаточно важна для "вписывания" человека в рамки того или иного социального статуса.

В заключение надо отметить, что, хотя такие виды ресурсов, как личностный, биологический и символический, не относились к числу капиталаобразующих, личностный и биологический ресурсы имели значимые связи с принадлежностью к различным стратам (коэффициент Спирмана составлял, соответственно, 0,459 и 0,387).

Расчет **интегрального показателя ресурсообеспеченности**, производившегося по каждому респонденту в отдельности и включавшему в себя баллы ресурсообеспеченности по пяти перечисленным выше видам ресурсов, показал следующее. Во-первых, количество баллов, которое набирали при таком расчете респонденты, колебалось от 0 до 26. Во-вторых, при анализе методом линейной регрессии в программе CHAID при стратах в виде зависимой переменной эти баллы объединялись в 7 групп. Результаты ресурсообеспеченности соответствующих страт представлены в таблице 6.

Как видно из таблицы 6, страты, различающиеся своими жизненными шансами в сфере потребления, имеют принципиально разную ресурсообеспеченность, причем для принадлежности к трем верхним стратам, имеющим возможность вести образ

жизни, соответствующий представлениям россиян о богатстве, можно говорить уже не о ресурсо-, а о капиталообеспеченности. Во всяком случае, в нашей выборке среди тех, кто имел показатели 5 и 6 баллов по шкале совокупного капитала, 87% относились к трем верхним стратам.

Хотя, как показывает проведенный анализ, все виды капиталов конвертируются в экономический, но при этом они могут существовать и в такой комбинации (например, квалификационный,ластный и социальный и т.д.), что при наличии соответствующего объема неэкономических ресурсов обеспечивают человеку возможность принадлежности к высшим слоям общества без наличия у него необходимого экономического капитала, а тем более - без принадлежности к лицам, ведущим предпринимательскую деятельность. Так, в нашем массиве только половина лиц, имевших высокие показатели капиталообеспеченности при одновременной принадлежности к трем верхним стратам, являлись предпринимателями, использующими наемных работников. Еще около 30% были руководителями, а остальные были в основном специалистами и самозанятыми. Попадались среди них, хотя и достаточно редко, даже работники государственных силовых структур.

Это позволяет выдвинуть следующую гипотезу. Традиционная, идущая еще от Маркса интерпретация капитала хорошо объясняла ситуацию с социальным расслоением в обществе 100 - 150 лет назад, но сегодня во многом потеряла свои эвристические возможности. Следствием этого стали и массовый отказ от классовой теории, и концепции горизонтальной стратификации, и многие другие явления в истории социальной мысли последних десятилетий, связанные с кризисом самого понятия капитала. Одним из следствий этого стало также выдвижение концепций "социального капитала", "ластного (варианты - административного, политического) капитала", "человеческого капитала" и т.д.

В то же время изучение эмпирического материала показывает, что *все эти виды капитала именно как капитала концентрируются, хоть и в разных комбинациях, в основном у одних и тех же людей, которые представляют собой особую группу - "новых капиталистов".* Такие люди, сосредоточивая и воплощая в себе все значимые в современных условиях виды ресурсов, конвертируемых друг в друга и в традиционный экономический капитал, имеют благодаря этому возможность занимать господствующее положение в обществе. Причем речь идет не просто о сосуществовании у этой группы различных видов ресурсов или их суммировании, а об их умножении и даже возведении в степень по совокупной эффективности за счет различных форм их взаимодействия.

Более того, наличие такого расширительно трактуемого капитала, более адекватного современным реальностям, так же как и наличие капитала в его традиционной форме во времена Маркса, обеспечивает для его владельцев получение доходов на этом капитал, а не только заработной платы за свой нынешний, "живой" труд, даже если они не занимаются предпринимательством. Благодаря этому они имеют возможность занимать привилегированные статусные позиции в обществе, быть представителями высшего класса. Причем все они, хотя и являются капиталистами, все же выступают представителями разных классов, так как их капитал имеет различную природу, и соответственно, их взаимоотношения могут, в принципе, доходить до антагонистических. Не случайно, как показало исследование "Богатые и бедные в современной России", хотя почти половина населения России самым острым противоречием российского общества считала противоречие между богатыми и бедными, "новые капиталисты" рассматривали в качестве такового противоречие между разными властными группировками.

Проведенный анализ, связанный прежде всего с ролью условий социализации для ресурсообеспеченности представителей различных страт, позволяет высказать еще одну гипотезу. *Социальное неравенство в современном российском обществе - логическое следствие наличия на момент начала реформ 1990-х гг. у разных групп населения различного объема ресурсов, во многом - накапливавшихся на протяжении поколений.* При плановой экономике, когда эти ресурсы не могли работать как капитал, имевшиеся различия ресурсообеспеченности, конечно, сказывались на уровне жизни этих групп, но не могли привести к глубочайшей дифференциации за счет получения

доходов на соответствующие виды капитала. В условиях трансформации и перехода к рыночной экономике данные ресурсы были использованы, причем далеко не всегда законно, для конвертации их в экономический капитал или наращивания других видов капитала. Дополнительно усилило этот процесс сосуществование в рамках российского общества качественно разных экономических укладов - от докапиталистического до постиндустриального¹².

Из вышеизложенного вытекает, что, учитывая выявленные в ходе проведенного исследования колossalные различия в ресурсообеспеченности россиян даже такими ресурсами, как квалификационный, социальный, культурный, возникшая в ходе экономических реформ 1990-х гг. глубокая социальная дифференциация имела под собой определенные объективные основания, а характерный для традиционного капитализма процесс первоначального накопления капитала *превратился в условиях российской трансформации в процесс бурной конвертации различных видов капитала друг в друга с формированием новых правящих классов, чьи отношения складываются весьма непросто в силу разной природы капитала, на который они получают доход.*

Насколько социально несправедливо такое положение - особый вопрос, на который нельзя отвечать с позиций той или иной идеологии и вообще исходя из любых теоретических конструкций. Понятно, что капитал тем и отличается от просто ресурсов, что позволяет присваивать какую-то часть стоимости, источником которой выступает не только сам этот капитал, но и что-то, лежащее вне его, и в этом смысле доход от любого вида капитала всегда может рассматриваться как несправедливый. Однако понятно также, что разный объем ресурсов закономерно должен обуславливать и пропорциональную разницу доходов от них. И этот принцип, как видно из приведенных выше данных, действует не только для "новых капиталистов", но и для всего общества, что, видимо, невольно способствует его легитимизации в сознании широких масс населения.

В то же время, если речь действительно надо вести о формировании нового господствующего класса не просто богатых людей, а людей, обладающих капиталом в различных его видах и формах, что означает *реально несопоставимо больший его объем, чем объем находящегося в их распоряжении экономического капитала*, то из этого вытекает *во многом иная, нежели сегодня, постановка задач разработки путей сокращения бедности и преодоления чрезмерного социального неравенства, как, впрочем, и методов изучения сущности, форм и механизмов воспроизводства последнего*. Разумеется, все высказанное - пока лишь гипотеза, нуждающаяся в тщательной проверке на материалах ряда эмпирических исследований и серьезном теоретическом анализе, но гипотеза, которая при первом обращении к эмпирическим данным полностью подтверждается.

Проведенный анализ заставляет взглянуть на итоги последнего десятилетия под несколько иным углом зрения, нежели это делается обычно при анализе социальных последствий российских реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. N 2.

Россия: новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004.

Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. N 4.

Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. N 6.

© Н. Тихонова, 2005

¹² От анализа проблемы отраслевых и региональных неравенств, также внесших свою немалую лепту в углубление социальной дифференциации, я в силу ограниченного объема статьи вынуждена абстрагироваться.